

О.И. Лепилкина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного
научного центра РАН, Ставропольский государственный университет г. Ставрополь,
Россия

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена исследованию профессионального журналистского определения специфики провинциального периодического издания в России в XIX – начале XX века, его целевого назначения, программы, области информационного внимания и внутренней структуры.

В профессиональном журналистском самосознании XIX – начала XX века каждый тип периодического издания характеризуется выделенностью и социокультурной значимостью. Самоопределение журналистов по вопросу типологии провинциальных изданий находило выражение в избираемых подзаголовках, в объявлениях на подписку, в редакционных обращениях и в специальных тематических статьях о периодической печати. Осмыслению подвергались, в основном, целевое назначение, программа издания, область информационного внимания и внутренняя структура изданий.

Серьезным источником для исследователей типологических характеристик провинциальной прессы являются объявления на подписку, которые могут рассматриваться как квинтэссенция рефлексии редакций по поводу сущностных особенностей своего издания. Определение типологической доминанты выносилось в подзаголовок, который на ранней стадии развития прессы мог быть многокомпонентным: «Уединенный пошехонец. Ежемесячное сочинение на 1786 год, содержащее в себе разные известия о достопамятных происшествиях, случившихся в здешней стране издревле и ныне; благотворительные и человеколюбивые деяния, оказанные частными людьми к общественной пользе; разные духовные, философические, нравоучительные, исторические до нашего отечества и до иных государств относящиеся, также до естественной истории, домоводства и до наук принадлежащие сочинения». Однако и в последующем подзаголовок играл существенную роль в формировании первичного мнения об издании и давал определенное представление о типе издания. Редакция чаще всего считала нужным определить область информационного внимания («газета политики и экономики») или адресацию («для детей»), но в большинстве случаев шло соединение типопределяющих признаков: указывалась не только область информационного внимания, но и характер информации («газета политики, экономики и литературы»). В начале XX века в условиях первой русской революции стало популярным уточнение адресата («для трудового народа»), которое дополнительно служило индикатором идеологической направленности издания. Подтверждением этому служит распространенность разных вариантов подзаголовка «о нуждах трудящихся», где эта двунаправленность достигала максимальной завершенности.

Помимо подзаголовка в объявлениях о подписке выделялись также целевое назначение и область информационного внимания. О «Вятском крае», например, в 1896 году сообщалось: «Газета посвящается изучению нужд Вятско-Камского края, указанию мер к поднятию его благосостояния и возможно полному освещению тех общих вопросов, правильная постановка и разрешение которых тесно связаны с интересами местной общественной и народной жизни». Таким образом, объявление определяло географический ареал (не губерния, а шире – край и в какой-то мере страна) области информационного внимания, разделенной на три блока: нужды края; меры к поднятию его благосостояния; общероссийская проблематика, актуальная для «местной общественной и народной жизни». По целевому и функциональному назначению редакция видела газету

как просветителя. Подобным образом составлено объявление в том же году у «Самарского вестника»: «Основная задача газеты – разработка общих, областных и местных вопросов, с освещением как положительных, так и отрицательных сторон русской общественной жизни, и представительство нужд края». В этой самопрезентации тоже актуализируется равнозначный интерес к общероссийским и местным явлениям общественной жизни и реализация просветительской функции, однако вычленяется и установка на «представительство нужд края», что является существенным для большинства провинциальных изданий.

Эта позиция зафиксирована и газетой «Владивосток» в обращении от редакции во втором номере за 1884 год: «Приступая к изданию нашей газеты, мы задавались целью сделать ее сборником материалов для изучения края и выразительницей местных нужд». Географическое ограничение основного предмета отражения (только край) дополняется манифестацией целевого назначения: газета должна была быть «выразительницей местных нужд». Еще один вариант этой позиции – «всестороннее представительство нужд и интересов края», как извещала редакция казанского «Волжского вестника».

Манифестация «представительства» ощущается как заявка на представление региона нерегиональному читателю, как потребность, по утверждению редакции «Донского вестника» в рекламном объявлении о газете, «хоть несколько порассеять мрак, закрывающий Донской край от глаз русской публики, поправить некоторые суждения, нарушающие истину».

Отсутствие географических ограничений в области информационного внимания свойственно, прежде всего, журналам, специализированным по тематике. Так, тамбовский музыкально-литературный журнал «Гусельки Яровчаты» видел своей целью «возможно широко привить идею общедоступного и всеобщего музыкального образования, для чего наиболее просто и всесторонне освещать музыкальную жизнь, запросы и явления, относящиеся к музыкальному образованию и музыке во всех ее разветвлениях и выяснять наилучшие условия для достижения прогресса в этой области» [8]. Редактор-издатель журнала «Помощь самообразованию» А. Тельнихин писал: «Цель моего издания... – дать материал для систематического чтения и этим дать возможность читателям выработать более или менее точно поставленное миросозерцание и заполучить знание в форме, наиболее доступной для усвоения» [16, с. V].

Анализ редакционных обращений, которыми, как правило, открывались новые издания, убеждает, что для журналистов самым существенным был вопрос о целевом предназначении их органа печати как представителя провинциальной прессы. На первом этапе доминировало понимание ее просветительской направленности. Издатель калужской «Урании» писал: «Намерение сочинителя «Урании» ... есть: «умножить способы распространения общепользных знаний о предметах нравственных и естественных и сделать приложение их наипаче присвоенным к особенному положению страны своей», одно пламенное желание споспешествовать общественной пользе есть единственная награда за труды издателей» [19, с. 2]. Программа, составленная А.И. Герценом для неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей», ставила на первый план статьи «о быте народном», которые должны были показать «причины возвышения и упадка деревень», дать «исторические сведения о начале городов, о упадке или улучшении их», рассказать о праздниках и обычаях народа [4].

В 1860-е годы в журналистском сознании формируется представление о провинциальной газете как о выразительнице общественных интересов региона. Как пишут дореволюционные историки, сотрудники смотрели «на издание газеты исключительно с принципиальной стороны», «как к личной своей потребности принести посильную пользу общественному делу» [7, с. 49]. Это приводит к пониманию особых отношений с аудиторией, которая воспринимается как со-издатель и со-автор. И.А. Щепинский, анализируя в 1891 году в «Кубанских областных ведомостях» состояние

газеты «Северный Кавказ», видит причину ее несостоятельности в общественной индифферентности, «хотя редактор обращался к своим будущим сотрудникам, «чтобы каждый считал дело издания газеты столько же нашим, сколько и своим»» [20]. В редакционных обращениях популярны высказывания: «...судьба газеты не в наших руках, а в руках общества, интересам которого она служит» [3]. Эта идея сохраняется и в начале XX века: «Жизнью подтверждено, что газета не есть предприятие какого-нибудь одного лица; она – дело общественное и как таковая заслуживает внимания общества» [21].

Начиная со времени первой русской революции, в журналистских публикациях о целевом предназначении провинциальных газет все чаще фиксируется идея формирования ими общественного мнения. Как писала «Волго-Донская копейка», нужно «как можно шире распространять правильные взгляды» [5]. В передовой статье уездного «Дубовского листка» отмечалось: «Задачей каждой местной газеты должно быть, по нашему мнению, служение местным культурным интересам и **организация общественного мнения** (выделено мной – О.Л.) с целью воздействия на правительство и общественные учреждения» [11]. О распространенности подобного понимания назначения периодического издания свидетельствует, на наш взгляд, редакционное обращение в ученическом журнале предоктябрьского времени: «Дело печатной мысли – направить людей по справедливой и правильной дороге к скорейшему и вернейшему достижению намеченных идеалов» [9, с. 1].

Анализ редакционных обращений убеждает в том, что местные журналисты осознавали особую роль частной прессы в социокультурном пространстве региона. В частности, «Витебский листок» в 1898 году писал: «Мы имеем железную дорогу, пароходы, водопроводы, и даже электрический трамвай готовится к открытию. <...> ... двигаясь по пути прогресса, отстали в газетном деле: две большие смежные губернии, Витебская и Могилевская, до сих пор не имеют **частного** (выделено мной – О.Л.) печатного органа. Изданием нашей газеты мы надеемся удовлетворить насущной потребности не только интеллигенции, но и всей массы населения» [2].

В данной цитате есть указание и на адресацию, что было немаловажным для провинциальных редакций. Это фиксирует и современная научная мысль. Так, в докторской диссертации «Фольклор в системе журналистских жанров: мифосмыслы и мифотворчество (по материалам провинциальной – тверской – периодики XIX века)» Е.И. Ивановой отмечается, что редакционные статьи, помещенные в «Тверских губернских ведомостях», «Тверском вестнике» и «Тверских епархиальных ведомостях» в 1880-1890-х гг., «свидетельствуют о том, что каждое из перечисленных изданий адресовалось к «своему» читателю» и что «в немногочисленных редакционных статьях того периода «ТГВ» характеризуют своего читателя как «образованного человека, интересующегося вопросами истории и этнографии края, готового сотрудничать с редакцией» [12, с. 19].

Аудиторный фактор осознавался провинциальными редакциями как коррелирующий с целевым назначением издания. Власьевское общество трезвости, выпуская в Твери журнал «К свету», сформулировало его цель следующим образом: «Внести хотя слабые лучи света, лучи знания и веры в темную, забытую, бедную деревню, помочь крестьянину советами в его многотрудной, полной житейской заботы и невзгод жизни, доставить ему разумное чтение...» [13, с. 3].

Журналистская рефлексия фиксирует в качестве значимых такие типологические характеристики, как область информационного внимания и внутреннюю структуру, называемую в редакционных обращениях чаще всего «содержанием». Редакции извещают: «Вопросы землепользования и землевладения, кооперативное движение в станицах и селах Северного Кавказа, жизнь местного земства – вот те явления, всестороннее освещение которых «Северокавказское слово» ставит своею главной задачей» [18]. Особо оговаривается введение новых отделов. В провинциальной прессе 1860-х годов таким воспринимался отдел «Фельетон». Например, «Воронежский листок»

сообщает читателям, что в нем «будут помещаться разные происшествия и новости из современной воронежской жизни» [6]. В период первой русской революции, когда значимым стало оперативное информирование и политическое просвещение населения, газеты стали анонсировать думские рубрики. Так, ставропольская «Народная речь» в одном из номеров поместила специальное обращение «От редактора», где указывалось: «Желая предоставить возможность наибольшему числу жителей нашего края следить за ходом дел в Гос. Думе, о заседаниях которой будут помещаться по возможности ежедневно телеграммы и отчеты наших собственных корреспондентов, в их числе и И.А. Ефремова и С.И. Карелина и «Письма депутатов» П.С. Ширского и В.В. Небовидова» [14].

Существование провинциальной прессы в бинарной структуре наряду со столичной делало актуальным определение позиций редакций в сопоставительном аспекте. Отсюда частые обращения к этой теме. «Задачи провинциального органа, – писала редакция одной из газет, – несколько разнятся от задач столичных газет. Там стоит на первом плане руководство широкими слоями населения; наша же аудитория ограничивается городом и губернией; поэтому и речи наши должны быть приспособлены к нашим слушателям-читателям. Первой нашей задачей будет обслуживание наших местных – городских, губернских и краевых нужд. К этому мы будем стремиться, о помощи в этом деле просим всякого сочувствующего идее гласности. Мы не забудем, что мы – граждане русского государства, и потому факты из общерусской жизни найдут на наших столбцах отклик и должное освещение. В этом – вторая наша задача» [21]. Уподобление местной периодики по содержанию и форме подачи материалов столичным изданиям рассматривалось как негативный фактор: «Нужно заметить, что большинство здешних газет по своей цене, а затем по слогу, наконец, по своему содержанию не могут быть доступными народу. Они являются как бы сколком со столичных изданий, идут вслед за ними и часто сообщают о таких предметах, которые доступны только людям, постоянно следящим за политикой» [10]. Газета «Наш край», обсуждая программу грядущего первого съезда северокавказских журналистов [см. подробнее: 1], высказала упрек его организаторам в игнорировании содержательной составляющей периодики: «Казалось бы, что местная печать главным образом должна заниматься разработкой вопросов местной жизни, но на деле мы видим, что громадное большинство органов провинциальной печати уделяют мало места местным делам и вопросам, а заняты обсуждением тем, трактуемых столичной печатью» [15].

Основной вывод, к которому приходят публицисты в вопросе о диаде «провинциальная – столичная журналистика», следующий: «Мы признаем в них две самостоятельных равноценных ветви одной и той же культурной работы. К основным функциям первой относится регистрация и разработка явлений и вопросов местной жизни. К основным же функциям второй – регистрация и разработка проблем общих. В таком соотношении столичная и провинциальная печать живут взаимообменом материала, необходимого для горения публицистической мысли, публицистического слова» [17].

Таким образом, журналистской рефлексии подвергались, в основном, типобусловливающие факторы (среди них первоочередное место занимали целевое назначение, адресация и правовое положение прессы), типопределяющие признаки (область информационного внимания) и типозависимые характеристики (внутренняя структура). Проанализированные объявления о подписке и редакционные обращения к читателям свидетельствуют об определенной трансформации самоидентификации провинциальных изданий. Целевым назначением, наиболее значимой миссией газетных изданий на разных этапах представлялись просвещение, артикуляция общественных интересов региона и, наконец, формирование общественного мнения. Провинциальным газетам, по мысли журналистов XIX – начала XX вв., свойственно информационное сопровождение прошлого и настоящего конкретной местности, представленное в общероссийском контексте, а также презентация местности за пределами своих границ. Провинциальные журналы, в отличие от газет, мыслятся как провинциальные по месту издания, но не по объему предоставляемой информации.

Литература:

1. Бобрышова А.С. Первый съезд северокавказских журналистов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев, А.В. Андриянов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2010.
2. Витебский листок. — 1898. — № 1.
3. Владивосток. — 1884. — № 2.
4. Владимирские губернские ведомости. — 1838. — № 16.
5. Волго-Донская копейка. — Царицын на Волге, 1914. — № 1.
6. Воронежский листок. — 1863. — № 63.
7. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. — Екатеринодар: типография Кубанского областного правления, 1914.
8. Гусельки Яровчаты. — Тамбов, 1908. — № 1.
9. Дитя революции. — Красноярск, 1917. — № 1.
10. Дубинка. — Екатеринодар, 1906. — № 1.
11. Дубовский листок. — Пос. Дубовка Саратовской губернии, 1908. — № 8.
12. Иванова И.Е. Фольклор в системе журналистских жанров: мифосмыслы и мифотворчество (по материалам провинциальной тверской периодики XIX века): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. — Тверь, 2006.
13. К свету. — Тверь, 1910. — № 1.
14. Народная речь. — Ставрополь, 1907. — № 20.
15. Наш край. — Ставрополь, 1908. — № 31.
16. Помощь самообразованию. — Саратов, 1891. — № 1.
17. Северокавказский край. — Ставрополь, 1911. — № 1.
18. Северокавказское слово. — Ставрополь, 1915. — № 1.
19. Урания. — Калуга, 1804. — Первая четверть.
20. Щепинский И. Страничка из истории провинциальной печати (печать на Северном Кавказе) // Кубанские областные ведомости. — 1891. — № 30.
21. Юг. — Ставрополь, 1908. — № 1.